

902.7

С-23

ГАИМК

Сборник

к десятилетию
Октября.

!

М., 1928

С-23
502
С23
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
МОСКОВСКАЯ СЕКЦИЯ

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

СБОРНИК

I

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ СЕКЦИИ ГАИМК

Москва—1928

З
БИБЛИОТЕКА
№ 2085
Инд. №

ПРОВЕРИТЬ

Российская Академия наук
и приравненные к ней учреждения
Библиотека

Печатано по постановлению Совета Московской Секции Государственной Академии Истории Материальной Культуры.

Ученый Секретарь Секции Н. ПРОТАСОВ.

Гублит № 162 (Вологда). Тираж 1000 экз.

Типография Полиграфтреста „Северный Печатник“.

Общий очерк деятельности Московской Секции

Московская Секция Государственной Академии Истории Материальной Культуры в настоящем ее виде возникла в апреле 1924 года, при деятельном участии председателя Академии Н. Я. Марра, в связи с тем громадным оживлением ученой и научно-консультационной работы в Москве, которая была естественной для могуче выраставшей столицы Союза. Достаточно указать, что уже за первые два года своего организованного существования, с 1 октября 1924 г. до 1 октября 1926 года. Московская Секция имела 13 заседаний Пленума, 16—Совета и 134 заседания Комиссий по самым разнообразным вопросам, связанным с основной задачей Академии — нахождение, хранение и изучение памятников материальной культуры. Перечисление всех работ не представляется возможным, и помещенные ниже краткие отчеты отдельных Комиссий Московской Секции дадут указания хотя бы на главнейшие из них. Уместно зато охарактеризовать здесь те общие условия, при которых происходили эти большие и разнообразные работы Секции.

Близость к практическим заданиям центральных органов заставила Секцию с особой внимательностью отзываться на многочисленные учено-консультационные запросы и вопросы реформы и рационализации строительства, охраны, хранения и популяризации археологических и историко-бытовых древностей нашей страны, все время заостряя теоретические проблемы в жизненно-практический уклон. Сообразно с этим, Московская Секция с самого начала выдвинула, в качестве особо важного постоянного задания, Комиссию по Музееведению, закрепленную затем и в Ленинградском массиве Академии в уставе ее от 12 января 1926 г., а также приступила к организации, уже с марта 1925 г., Лаборатории по изучению способов хранения и реставрации древних тканей и шитья, так как существующий при Академии Институт Археологической Технологии сосредоточил свои установки и изыскания на древних силикатах и металлах.

Крайняя скудость средств, приходившихся на долю Московской Секции, конечно, не могла не затруднить ее работ: не было и не могло быть собственного помещения (Московская Секция пользуется случаем публично благодарить Государственный Исторический Музей за неизменно широкое гостеприимство); не могла organizоваться библиотека; не было, до выхода данного сборника, осуществленного на добавочные ассигнования Главнауки, возможности издать хотя бы краткие резюмирующие и информирующие сообщения о работе Секции; не было, наконец,—хотя ходатайства шли с первого же года,—и материальной возможности самой Секции работать в поле, не только в виде собственных, хотя бы небольших экспедиций, но и в форме участия своей долей в полевых начинаниях других организаций. Тем не менее Московская Секция, собравшая вокруг себя значительный контингент виднейших работников, в лице своих сочленов своевременно и непрерывно участвовала в большинстве ответственных полевых работ последних лет, явно свидетельствуя о том, что величина и значительность работы не определяются только величиной уделенного пайка. За летние месяцы, например, 1925 г., проведены были, таким образом, работы археологические, исторические и этнографические в 27 местах.

Другим примером могут служить рост и укрепление Лаборатории по тканям, которая, вопреки шиллеровскому «*Wächst mir ein Saatfeld aus der freien Hand*», смогла при самоотверженной работе участников и при братской помощи ряда московских лабораторий осуществить длинный ряд сложнейших анализов и технологических точных характеристик, создавая постепенно тот метод, который является, в полном его объеме, новостью не только у нас, но и на Западе. Достигнуто это было без всякого собственного инвентаря, хотя бы и скромнейших размеров, и лишь текущий год позволяет надеяться что лабораторному оборудованию будет положено небольшое начало, так же, как и твердому штатному содержанию лаборантов и исследователей. О качестве же достижений Лаборатории могут свидетельствовать анализы и реставрации тканей Козловской экспедиции, а также ряд экспонатов выставки тканей Государственного Исторического Музея; той же цели послужит и образец исследования, печатаемый ниже.

Из приводимых ниже обзоров деятельности отдельных Комиссий явствует, как много и часто Московская Секция ГАИМК входила в плодотворные сношения как с центральными нашими органами, так и с культурно-просветительными и исследовательскими организациями на местах. Нечего прибавлять, насколько контакт с работами и заботами Ленинградского массива Академии был постоянен и полезен.

Структурно Московская Секция ГАИМК распадается на пять Комиссий—Археологии, Этнологии, Истории Быта, Истории Искусства и Музееведения, работающих под председательством проф. Ю. В. Готье, В. В. Богданова, академика М. М. Богословского, проф. Б. П. Денике и Г. Л. Малицкого. Лабораторией тканей руководит В. К. Клейн. Ученым секретарем Секции состоит проф. Н. Д. Протасов.

Председ. Моск. Секции ГАИМК проф. Д. Егоров.

Tätigkeit der Moskauer Sektion

Die Moskauer Sektion der Akademie f. Geschichte der Materiel-
len Kultur entstand in ihrer jetzigen Gestalt im April 1924. Ihr Ent-
stehen verdankt sie den grossen und neuen Ansprüchen, die das
erneute Russland der Bergung, wissenschaftlichen Erforschung
und volkstümlichen Verdolmetschung kultureller Bestandteile frü-
herer Zeiten stellte.

Die Moskauer Sektion, unter dem Vorsitze von Prof. D. Jegor-
rov und gel. Sekretär von Prof. N. Protassov, besteht aus
5 ständigen Kommissionen—für Archäologie, Kulturgeschichte,
Museumskunde, Ethnologie, Kunstgeschichte, denen als gelehrte
Leiter vorstehen—Prof. J. Gautier, Akad. M. Bogoslovski, G. Ma-
litzki, W. Bogdanov, B. Denicke. Hieran gliedert sich als wei-
terer Bestandteil, seit März 1925, ein Textil-Laboratorium (alte
Zeuge & Zeugwaren) unter der Leitung des Custos des Staats
Historischen Museums, W. Klein, als Gegenstück und Ergänzung
des Leningrader Institute für archeologischen Technologie, das
sich hauptsächlich mit Metall- und Silikatgegenständen beschäftigt.

Trotz mässiger Geldmittel kann die Moskauer Sektion auf ein
erfreuliches Gedeihen zurückblicken: im Laufe von rund zwei
Jahren (Okt. 1924—Okt. 1926) haben mehr als 150 Sitzungen
stattgefunden; während eines Sommers, z. B. 1925, betätigte sich
die Sektion an 27 Fundstätten. Dementsprechend erwartet die
Moskauer Sektion ein weiteres Ausbauen ihrer Tätigkeit.

Обзор деятельности Комиссии по археологии

За все время своего существования (с 24 февраля 1924 г.) Комиссия по археологии имела 61 заседание и состояла из 22 членов и 4 сотрудников. Так как она не имела своего бюджета, то деятельность ее выражалась в заслушании и обсуждении отчетов об археологических работах, производившихся ее сочленами, а также в заслушании и обсуждении ряда докладов, трактующих общие проблемы, выдвигаемые развитием археологической науки как в СССР, так и за границей. К первой группе докладов относится и ряд информационных докладов с мест о производившейся там археологической работе. Многие из докладов, читанных на ее заседаниях, напечатаны в разного рода изданиях.

Нельзя сказать, чтобы все области СССР были равномерно обследованы членами Комиссии и описаны в прочитанных докладах. Наибольшее число работ падает на Среднюю и Восточную Россию. Здесь обследовались следующие неолитические стоянки: в с. Лялове, Московской губ. (Б. С. Жуков и Б. А. Куфтин; результаты напечатаны в «Трудах Общ. Исследователей Рязанского Края», вып. V, Рязань, 1925 г., и «Трудах Антропологического Института», вып. I, Москва, 1926 г.); на Святом озере, Егорьевского у. (те же лица); близ дер. Языкова, Кашинского уезда, Тверской губ. (предварительное сообщение К. А. Стратонитского); на берегу Ростовского озера (Д. Н. Эдинг); раскапывался городок IX—XI вв. на р. Саре, Ростовского у., Ярославской губ. (Д. Н. Эдинг; отчет печатается в издании Ростовского музея); произведено большое обследование городища Старая Рязань (Д. Н. Эдинг и В. А. Городцов; отчет предполагается к напечатанию в изданиях Рязанского Общества Краеведения); вскрыто городище срубной культуры в 5 верстах к востоку от с. Степной Мокшан, Пензенского у. и губ. (О. А. Кривцова-Гракова). Особую группу археологических работ представляют раскопки в Среднем и Нижнем Поволжье, произведенные П. С. Рыковым и Б. Н. Граковым. Последние раскопки имели своею главною целью проследить распространение на восток Сарматской культуры, и один из курганов близ с. Блюменфельд Палласовского кантона Автономной Республики немцев Поволжья доставил ранее еще не встречавшиеся резные изделия из кости, именно футляр на

наконечник копья в виде головы хищного зверя и привески из кабаньих клыков, обделанные в виде ящеров. Раскопки П. С. Рыкова напечатаны: «Труды Общества Истории, Археологии и Этнографии при Саратовском Университете» (бывш. Уч. Арх. Ком.), вып. 34, ч. I, Саратов, 1923 г.; — «Ученые записки Саратовского Гос. Университета», вып. I, 1924 г., и т. IV, в. 3, 1925 года; — «Известия Краеведческого Института Изучения Южно-Волжской Области», т. I, Саратов, 1926, — и *Eurasia Septentrionalis antiqua* Vol. I. Helsingfors, 1927. В. Ф. Смолин (Казань) сообщил о ремонте и охране Болгарских развалин (печатается).

В Северной России на Летнем берегу Белого моря раскопки А. В. Збруевой и М. Е. Фосс дали богатый сбор предметов каменной индустрии, аналогичных вещам из Норвегии и Дании (печатается ниже). — Ряд докладов был посвящен археологии Украины; помимо информационных докладов об археологической работе на Украине (члена ГАИМК Ф. И. Шмита и заведующего Роменским музеем М. М. Семенчика), были сделаны сообщения о весьма интересном обследовании Киевского Софийского и Черниговского соборов И. В. Моргилевским (Киев, напечатано в журнале «Украина») и о неолитических стоянках долины Днэца — директором Изюмского Государственного Музея Н. В. Сибилевым (напечатаны отдельными брошюрами: «Старовинности Изюмщини». Видання I-е и Випуск II, Изюм. 1926 года. «Отчет о зондажных раскопках в Изюмском округе в 1926 году». Изюм, 1927 г.). Названный исследователь в течение семи лет прошел пешком почти всю долину р. Днэца и нанес на карту все придонецкие неолитические стоянки, характеризующиеся преимущественно микролитами и настоятельно требующие срочного археологического обследования путем обширных раскопок в виду угрожающей им распашки. — Информационный доклад о находках памятников трипольской культуры в Черниговской губернии сделан был ученым сотрудником ГАИМК Б. Л. Богаевским. — Несколько докладов было посвящено или ранее уже известным памятникам, найденным на территории Украины (Б. Н. Граков — «Яблоновская группа скифских курганов» — печатается в «Трудах Научно-Исследовательского Института Археологии и Искусствознания», в. II), или подводили итоги обследований целых групп однородных памятников; таковы доклады члена ГАИМК А. А. Спицына — «Южно-русский

неолит» (напечатан в Сборнике в честь Д. И. Багалея), «Культура антов» (печатается в Сборнике в честь А. И. Соболевского) и «Татарские курганы» (напечатан в Сборнике в честь А. И. Маркевича, Симферополь, 1927). — Довольно подробно была освещена археологическая работа на северном Кавказе: член ГАИМК А. А. Миллер знакомил с результатами своих трехлетних работ на северном Кавказе и в Придонье; ученый секретарь б. Северно-Кавказского Института Л. П. Семенов (Владикавказ) во время своих ежегодных приездов в Москву сообщал о ходе археологических работ преимущественно в Осетии и Ингушетии (краткие сведения печатались в журнале «Новый Восток»). В. П. Пожидаевым (Владикавказ) был прочитан доклад о «Горско-кабардинских таврах, как родовых знаках». — Дагестану были посвящены доклады членов Дагестанской экспедиции, члена ГАИМК Н. Б. Бакланова («Общий очерк экспедиции в 1924 г.») и А. С. Башкирова («Рельефы Дагестана»); последний знакомил Комиссию и с «результатами своего археологического обследования Абхазии летом 1925 г.». — Очерку архитектурных и художественных памятников Азербейджана был посвящен доклад В. М. Зуммера (Баку, напечатан в «Известиях Азербейджанского Гос. Ун-та им. В. И. Ленина. Востоковедение», том I, Баку, 1926 г.). — О Закавказьи, древние культуры которого в связи с раскопками последних лет вновь привлекли к себе внимание исследователей, говорили два доклада: Е. Г. Пчелина ознакомила со своими раскопками могильника в Сагурамо, аналогичного известному Самтаврскому могильнику (напечатан в «Бюллетене Государственного Музея Грузии». Т. III, Тифлис, 1926 год), и А. А. Захаров прочел доклад, в котором отметил ряд параллелей между археологическими находками Закавказья, Малой Азии и Эгейского мира, имея целью установить ряд вех, указывающих на известную общность культур этих стран (печатается в «Трудах Научно-Исследовательского Института Археологии и Искусствознания», в. II). — Памятники Крыма были освещены как в своих древнейших, так и в позднейших культурах. Два директора Херсонесского Музея, Л. А. Моисеев и К. Э. Гриневич, знакомили с раскопками и обследованиями городища с 1914 г. и до настоящего времени. И. Н. Бороздин изложил результаты своих раскопок на Гераклеийском полуострове летом 1924 г., обнаруживших архитектурные остатки,

повидимому, военного поместья римской эпохи (напечатано в журнале «Новый Восток»). Н. Л. Эрнст (Симферополь) сообщил о своих раскопках кургана близ Симферополя в 1925 г., о раскопках городища древнего Неаполя под Симферополем в 1926 г. и о раскопке византийских склепов у дер. Скеля в Байдарской долине в том же году. Татарская культура старого Крыма обследовалась экспедицией под руководством И. Н. Бороздина в 1925—1926 г. (напечатано в журнале «Новый Восток»), а специально архитектурным тюрко-татарским памятникам Крыма был посвящен доклад Б. Н. Засыпкина. Архитектурные памятники средневекового Судака обследовались А. А. Фоминым. — Археологии Таманского полуострова были посвящены доклады Б. А. Куфтина и И. Л. Снегирева; первый сообщил о результатах своих раскопок кургана на Тамани осенью 1926 г., а последний дал общий очерк маршрута и работ, предпринятых по обследованию полуострова под руководством А. С. Башкирова. — Археологии Сибири были посвящены доклады А. А. Захарова, трактовавшие о памятниках Алтая (напечатаны в «Journal of Royal Anthropological Institute of Great Britaine», 1925; «Antiquaries Journal», 1926, и «Трудах Археологического Разряда Государственного Исторического Музея», в. I). — Почти все вышеупомянутые раскопки и обследования велись в тесной связи с местными научными работниками и при финансовой поддержке местных общественных и научных организаций.

Общий характер, охватывающий более широкие вопросы, носили доклады Ю. В. Готье — «Варяжский вопрос в археологическом освещении» и «Из области алано-хазарских отношений» (напечатан в «Новом Востоке»). Памятники античной культуры были предметом сообщения Н. И. Новосадского — «Неизданные македонские надписи» (печатаются в «Трудах Научно-Исследовательского Института Археологии и Искусствоведения», в. II); Б. Н. Гракова — «Некоторые амфорные клейма из собрания Государственного Исторического Музея» (напечатано в «Трудах Археологического Разряда Гос. Истор. Музея», в. I), В. Д. Блаватского — «Чернофигурная энохоя с изображением борьбы Геракла с быком, из собрания Государ. Историч. Музея», и «Чернофигурный киаф собрания Государственного Музея Изящных Искусств». — Сообщая о вновь приобретенной Государственным Эрмитажем серебряной чаше, найденной в

арки как бы отнесена к краям, середина же зрительно является облегченной. Достаточно сравнить эту декорацию подпружной арки с трактовкой ее в мечети «Намазга» или одном из бухарских Чар-Су, чтобы увидеть, насколько облегчает всю массу подпружной арки этот прием. Паруса облицованы широкими вогнутыми ромбами. Выше парусов ряд небольших ромбов, образуя правильную зубчатую линию в 16 зубцов в окружности, заканчивает композицию перехода к декорации купола, которая начинается короной из сталактитов, на третьем ряду отрывающихся группами от стен и составляющих основание облицовки купола, теперь не сохранившейся.

Таким образом, конструкция здания совершенно закрыта облицовкой, которая лишь в немногих частях соприкасается с ней, в большинстве же оторвана, и не только не выражает конструктивную форму, но скрывает ее совершенно и сознательно искажает зрительное впечатление от нее. Остов этой декоративной одежды состоит из ряда кирпичей, положенных плашмя и скрепленных обычным алебастровым раствором.

Облицовка с находящейся на ней живописью частично разрушена, и современное состояние живописи не позволяет точно судить о ее первоначальном состоянии, которое выясняется лишь после длительного рассмотрения и изучения. Причинами разрушения были: промокание сверху, которое разрушало поддержку (рухнувшая облицовка купола и декоративного свода Ю арки, большинство вершук угловых сталактитов) и отслаивало живопись от поддержки; восточные ветры, несущие песок, отбивающий мельчайшие частицы живописи (на З стороне); реакции внутри красочных веществ и большой слой пыли и копоти от трубы жившего рядом горшечника. Копоть покрывает всю поверхность живописи настолько сильно, что яркая синяя краска фона, в большинстве случаев, кажется густо индиговой или даже черной, а золото—коричневым.

Орнамент живописи—растительный, более или менее схематизированный. Отвлеченный орнамент занимает небольшое место в виде геральдических щитков, медальонов и рамок. Орнаменты замкнутой композиции заполняют отдельные ромбы или системы сходящихся ромбов в перекрытиях ниш и отделяются узенькими, стандартизованными гладкими, золотыми рамками с тонким узором. Композиции узоров ромбов разнообразны и богаты по замыслу. Вычурные завитки кончаются цветками,

из которых выходят листики и затейливые усики, переходящие опять в цветы и завитки. Линии завитков переплетаются в стремительном ритме, но во всем многообразии глаз улавливает строгую, почти математическую, конструктивность, располагающуюся около вертикальной оси.

В орнаментике парусов (лучше других сохранился СВ парус), вокруг центральных голубых восьмиконечных звезд, в одной половине ромба насчитано 74 цветка; из этого количества 67 цветов являются неповторяющимися, и только 7 цветов повторяются, изменяя все же детали. Цветки другой, симметричной половины не представляют точных копий и в деталях разнятся. Ромбы у угловых сталактитов центральной части заполнены по золотому фону цветочным орнаментом из больших (6—10 см.) светло-синих, лиловых и белых цветков, окружающих центральную голубую розетку. В живописи на перекрытиях ниш преобладают вычурно-изгибающиеся стебельки, в центральной части бросаются в глаза живописные пятна цветков, покрытые как бы лепестками разных оттенков одного цвета. Боковые стены ниш заполнены повторяющимся орнаментом из крупных розеток, вставленных в диагональные квадраты, образованные продолговатыми медальонами. Несмотря на мелкий узор, орнамент построен на сильных живописных пятнах, и общее впечатление получается чисто живописное.

Главной особенностью живописи Ак-Сарая является то, что весь орнамент не нарисован по золоту и раскрашен, а сделан выпуклым (различной высоты) по поддержке и сверху покрыт золотом, по которому идет раскраска и контура. Этот способ живописи называется «кундаль». ¹ Самый высокий кундаль находится на декорациях парусов, где большие золотые цветы в виде хризантем достигают высоты 0,6 см. В качестве общего соображения можно заметить, что наверху он более выпуклый, чем внизу. Все эти выпуклости, различные в цвете, теперь покрыты паутиной и не особенно заметны, но и в их первоначальном виде при взгляде на них с пола, т.-е. с того расстояния, на которое они были рассчитаны, из них заметны

¹ Слово «кундаль» значит «валик», «выпуклость на материи», на парче, напр. В применении к живописи этот термин, обозначающий и способ и массу живописи, я слышал от известного мусульманского архитектора и керамиста Уста-Абду-Кадыр-Бакиева. Теперь этот способ знают очень немногие живописцы, и рецепт массы другой.

были лишь расположенные в нижней части и у окон. В верхних же частях—парусах и ромбах центральной части—рельеф снизу едва ли был заметен. Но этот не столько заметный, сколько несознательно ощущаемый рельеф располагал золото не по ровным плоскостям, а по густой сети тонких, переплетающихся, выпуклых линий. Таким образом не воспринимались большие плоскости золота с чуждым ему по фактуре красочным узором, но золото играло на этих мелких выпуклостях, как бы мерцало и горело дрожью множества мелких бликов и рефлексов. Наложённый на золото узор красками состоит в подчеркивании этих выпуклостей тонкими штрихами, и в раскраске цветов разными красками, гл. обр. тоже по выпуклым поверхностям, или покрывает фон синей краской, оставляя выпуклые узоры золотыми. Эти раскрашенные поверхности и выпуклости объединяются светотенью в одно целое с золотом, мерцающим на выпуклостях, и стена приобретает благодаря этому общую, единую фактуру, от которой не остается столь часто встречающегося неприятного ощущения, когда блеск золота уничтожает впечатление от красок орнамента, кажущихся тогда темными и тусклыми.

Следует отметить одну особенность позолоты: поверхности с красочным узором по золотому фону (преобладание золота) располагаются на тех местах, где этот золотой фон не может рефлексировать на зрителя (ромбы подпружных арок и частично паруса), там же, где возможен прямой рефлекс, фон сплошь синий, и золото встречается лишь на выпуклом узоре.

Небольшие, гладкие, золотые поверхности фигурируют только в сталактитах, в небольших медальонах, вкрапленных в орнамент, и в узких лентах, окаймляющих ромбические части. Эти золотые поверхности, могущие рефлексировать, расписаны тонкими узорами, без больших закрашенных пятен. Эти узоры носят типично графический характер и зрительно не разбивают блестящей поверхности золота.

При обследовании постепенно выяснялись техника кундаля и способ работы. На подготовленную алебастро-лессовую или только алебастровую (тонкие профиля) поддержку для живописи наносился тонкой кистью черной краской контур узора, в большинстве случаев, видимо, по припороху, но кое-где без него, напр., однотипные, но все разной величины вазы с цветами на основаниях сталактитов в углах центральной части.

По контуру наносился кистью выпуклый узор особым составом красного цвета. Отлетевшие теперь во многих местах золото и краски обнажили этот красный цвет. На отлетевших частях, напр., на ЮВ парусе, видны на сохранившейся поддержке остатки первоначального контура, сделанного черной краской чернильного характера, и обнажившаяся масса кундаля, где можно заметить характерные следы волосков кисти и неровности от накладывания нескольких последовательных слоев. Эта глинистая масса жадно впитывает воду и хорошо держится на алебастре. В окрестностях Самарканда в изобилии находится красная глина, т. наз. кизыл-кессак, которым и сейчас делают незатейливые украшения на стенах, не прибавляя туда клею. Этот кизыл-кессак, имеющий полиментные свойства, составляет главную основу массы. К нему прибавлялся в небольшой дозе алебастр и немного «черешу» — местного растительного клея, который теперь идет в переплетном деле и прибавляется в алебастр для придания большей гладкости и крепости поверхности. Присутствие этого клея чуть замедляет схватывание алебастра и позволяет несколько более медленную работу с ним. Присутствие, видимо, этого клея заметно в узких тянутых профилях Ак-Сарая, которые более гладкой поверхности, чем остальная поддержка.¹

Эти выпуклые узоры, требовавшие из-за скорого высыхания большого мастерства и быстроты работы, несколько изменяли контур рисунка. Сверху узор покрывался слоем кизыл-кессака или заглаживался широкой, мокрой кистью. От этого заглаживания остались следы розового оттенка на поддержке, обнажившейся под отскочившей живописью. Этот слой хорошо соединялся с однородной алебастровой поддержкой и хорошо держал золото и краски, синий же фон на полосах надписей, сделанных без промазки кизыл-кессаком, почти весь отпал.

На слой кундаля наносилось листовое золото небольшими листами, в большинстве случаев оставляющими между собой случайные щели. Золото, изменившееся теперь, в местах отлета краски обнаруживает чистый первоначальный тон. Клей, на который наносилось золото, оставляет на кундале темноватый

¹ В результате опытов было сделано несколько проб и изготовлена масса кундаля, по консистенции очень похожая на ак-сарайскую. Сделанные этой массой на алебастровых досках две копии так же впитывают воду и образуют выпуклости такой же высоты и такого же цвета.

слои, иногда (на подписях) более широкий, чем след от листиков золота, и быстро размокает от воды. По аналогии с смежным керамическим производством, где золотой узор наносился на мед и припаивался к поливной плите, были сделаны опыты нанесения золота на кундаль по почти высохшему слою меда. Результат получился близкий к ак-сарайскому, но настаивать на абсолютной тождественности трудно, так как анализ не мог дать окончательного подтверждения.

По золоту шла раскраска цветов и орнамента, и потом наносился плотный синий фон. Эта краска минеральной консистенции, сильно изменившаяся сейчас, во впадинах кундаля обнаруживает первоначальный яркий синий цвет ее (среднее между кобальтом и ультрамарином). В датированных тимуровских постройках орнамент построен главным образом на этой же краске. Это ляпис-лазули, местная «леджуварт», минерал лазуревый камень, о котором упоминает Клавихо, описывая усыпальницу Магомет-Султана-Мирассы, дворец Тимура в Кеше и ограды и палатки в стане Тимура. Клавихо даже говорит о месте добычи этой лазури.¹ Темно-красная краска баканного тона, невыцветшая, употреблялась в цветах целиком и с белой, образуя розовые оттенки; голубые достигались смесью лазури с белой; красивые интенсивно-лиловые оттенки составлялись из смеси красной с лазурью и белой. Зеленая краска, употреблявшаяся целиком и в смесях с белой,—видимо, медная окись, Она сильно потемнела и очень плотной консистенции, что присуще именно медной окиси. Белая краска (мел или белая глина) шла целиком и, кроме указанных смесей, еще с черной в цветках. Бирюзовая краска маленькой куфической надписи теперь совершенно изменившая цвет и сохранившая его лишь в глубоких впадинах,—медный, сильно поддающийся реакциям «голубец».

Синяя краска разводилась на крепком клее, не размокающем от воды и придающем ей местами чуть блестящую поверхность, отдаленно напоминающую слабый блеск поверхности русских икон, писанных на яйце. Светлые оттенки красок

¹ «Путешествие ко двору Тимура», гл. СХХVI: «Кроме того, [приехал туда (на праздник в стан Тимура) князь, который правил за Тимур-Бека городом Акивой, где добывают лазурь; от города Акивы до Самарканда тоже десять дней пути, также по направлению к малой Индии, только Акива ниже Балахии».

матовы. На положенном в воду фрагменте синяя краска не размокает, а лишь немного раскисает через несколько часов; светлые тона начинают скоро размокать, а самые светлые размазываются сейчас же. Видно как бы наличие смеси двух клеев, нерастворимого и растворимого в воде. Теперешние живописцы употребляют желток, смешанный с мяздровым клеем. Может быть, и тогда употребляли этот же состав, дошедший до нас по крепко держащимся здесь традициям. Тогда разница в крепости клея объясняется различной пропорцией желтка к мяздровому клею или полным отсутствием желтка.

После наводки фона живопись заканчивалась тонкой обводкой черной краской по контурам выпуклостей, подчеркивающей тонкие, выпуклые завитки, детализировавшей цвета и узоры и рисовавшей иногда самостоятельный узор на неопределенных выпуклостях кундаля. Эта обводка сделана кистью уверенным, свободным и быстрым почерком. Очень тщательный рисунок обнаруживает большое мастерство и значительно тоньше подготовительного контура на поддержке. Нужно еще сказать, что как бы высоко или незаметно ни был помещен орнамент, его делали во всех деталях, как бы для рассматривания вблизи, смакуя каждый штрих и каждый вершок живописной поверхности.

На стенах Ю ниши выпуклый узор розетками был оттиснут по форме шелковой бумагой. Листы бумаги с узором, покрытые сзади алебастром, были приклеены к стенам черешом, сверху позолочены и раскрашены и внешне не отличались от такого же узора в других нишах, сделанного кундалем. От этих бумажных узоров сохранились небольшие фрагменты, следы клея и остатки черных линий, определяющих диагонально квадраты для определения мест, приклейки этих листов на поддержку. Этот же узор розетки, сделанный «кундалем», сохранился хорошо. Подобные бумажные украшения широко употреблялись при Тимуре, но позднее уступили место «кундалю».

Живопись Тимуровского времени, с теми же принципами изменения фактуры стен для усиления живописного эффекта, стилистически совершенно иная и технически менее совершенна чем кундаль, устраняющий ее недостатки.¹ Техникой кундаля

¹ Вкратце о живописи тимуровского времени упоминает моя статья в Каталоге Выставки научно-исследовательских экспедиций в Среднюю Азию Музея Восточных Культур.

сделана в Самарканде живопись мавзолеев Ишрат-Хана (вторая половина XV в.) и почти на сохранившемся Чильдухторан (первая половина XVI в.), где имеются тождественные решения декорации стен и даже одинаковые с ак-сарайским орнаменты (Ишрат-Хана). Бухарские мечети с живописью кундалем—Зеин-Ад-дин и Абдул-Азиз—тоже позднейшие. Все это заставляет отнести Ак-Сарай и зарождение техники кундаля к послетимуровскому времени.

И. Мрочковский.

Die Malerei des Mazar Ak-Sarai in Samarkand

Die Erörterung des Mazar Ak-Sarai ist eine der ersten Arbeiten der Samarkandschen Kommission für Denkmalpflege, die eine planmäßige Erforschung der mittelasiatischen monumentalen Malerei unternommen hat. Der Plan des Mazar bildet von aussen ein rechteckiges Quadrat, von innen scheint er kreuzartig zu sein. Der obere Theil des Gebäudes fehlt. Die inneren Seiten der Wände sind mit Malereien geschmückt. Ein breiter, weisser horizontaler Streifen teilt die Wände in zwei Partien. Die obere ist mit Malerei bedeckt, die untere—an der S-W Ecke mittleren Teils erhalten, als Reste der feinsten Mosaik, die auf blauem Grunde gesetzte Quadrate und Vasen mit Blumen darstellt. Die Wandmalerei befindet sich in sehr schlechtem Zustande. Auf blauem Grunde sieht man eine schematische reliefartige Pflanzenornamentik, die in höchst differenzierter und künstlerischer Weise ausgeführt ist. Die Wölbung des Reliefs von 0,6 cent. Höhe ist durch einen Pinsel, bestehend aus örtlichem Ton, ausgeführt. Dank dem reliefartigen Charakters der Ornamentik kommt eine Reihe sehr feiner, luministischer Effekte zu Stande: das Gold, welches oben auf der Wölbung des Reliefs glänzt und dadurch den Effekt verstärkt. Der Stil der Wandmalereien, deren Technik in ausführlicher Weise charakterisirt wird, versetzt die ganze Dekoration in die nachtimurische Epoche.

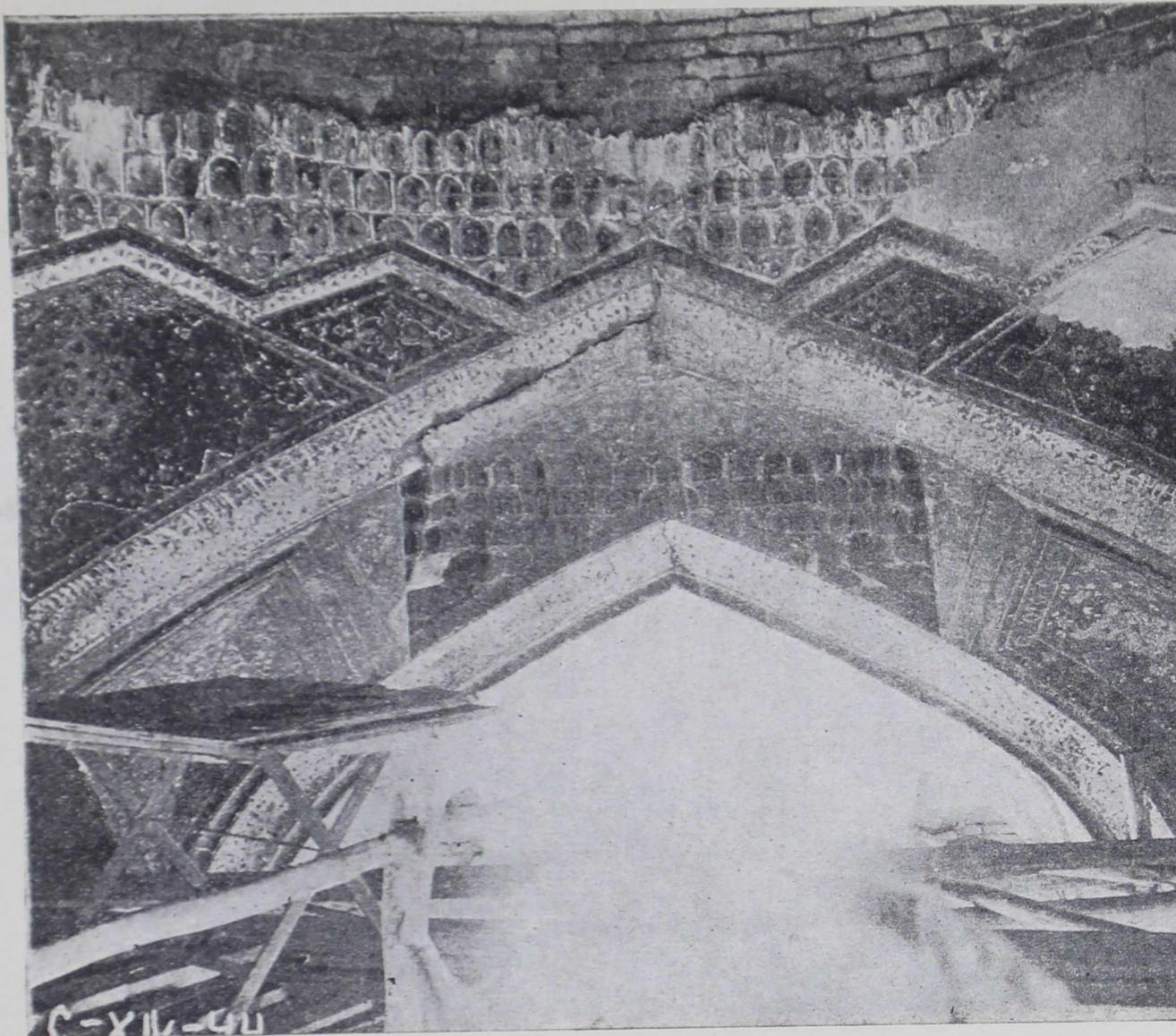

Табл. I. Мазар Ак-Сарай. Декорация подпружных арок. Северная ст

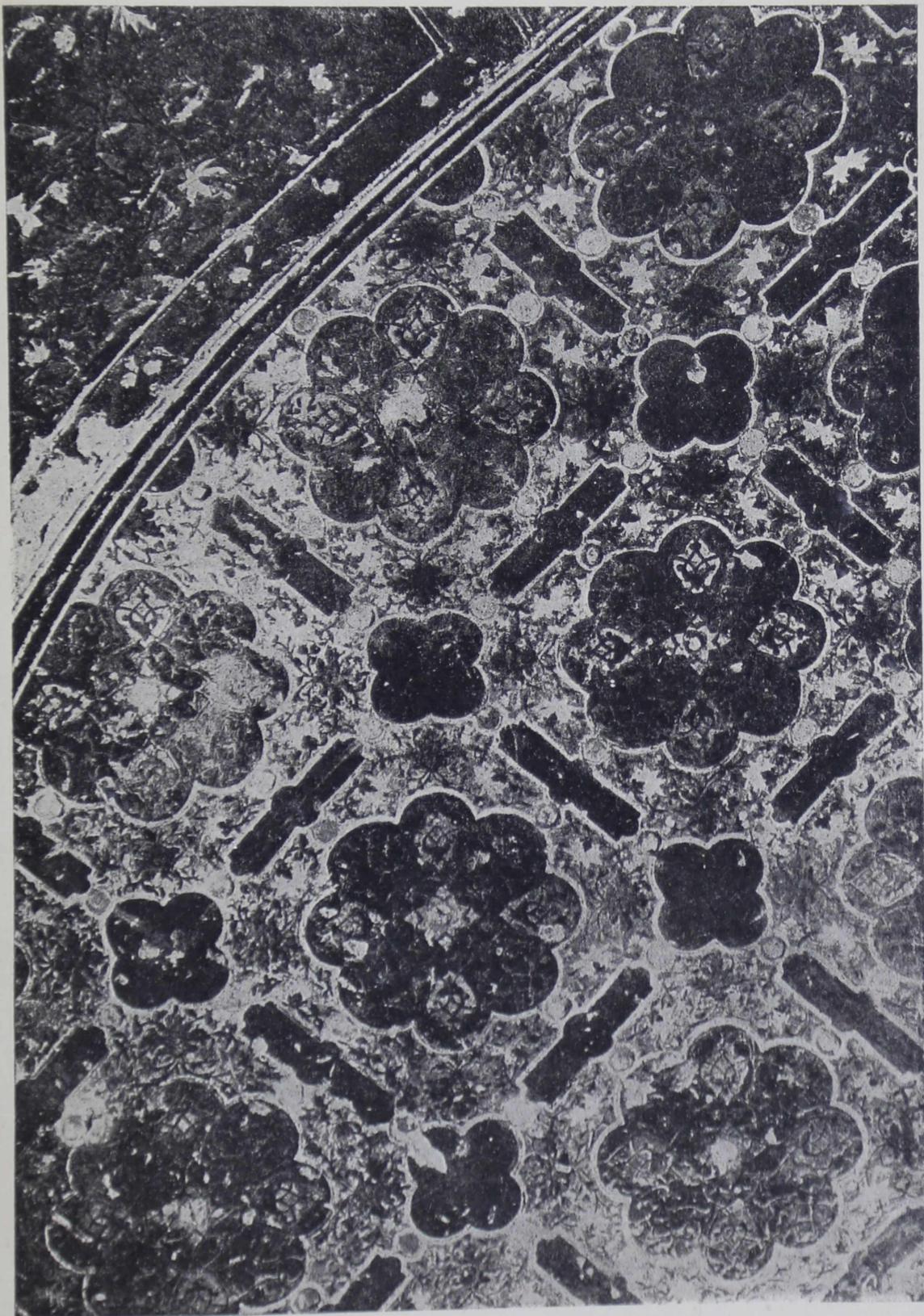

Табл. III. Мазар Ак-Сарай. Деталь узора розетками, исполненного способом «кундаль». Восточная ниша (такой же узор на боковых сторонах южной ниши был исполнен бумажным рельефом).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Д. Н. Егоров. Общий очерк деятельности Московской Секции . . .	3
А. А. Захаров. Обзор деятельности Комиссии по археологии . . .	6
В. В. Богданов. Обзор деятельности Комиссии по этнологии . . .	11
Н. А. Бакланова. Обзор деятельности Комиссии по истории быта	14
В. Н. Лазарев. Обзор деятельности Комиссии по истории ис- кусства	19
Г. Л. Малицкий. Обзор деятельности Комиссии по музееведению	23
В. К. Клейн. Опыты лабораторного исследования древних тканей .	29
А. В. Збруева и М. Е. Фосс. Раскопки на дюнах Белого моря близ селения Красной Горы и у реки Галдарей	42
И. Мрочковский. Живопись мазара Ак-Сарай в Самарканде . .	54

I N H A L T

D. N. Jegorov. Tätigkeit der Moskauer Sektion	3
A. A. Zakharov. Tätigkeit der Archäologischen Kommission . . .	6
W. W. Bogdanov. Tätigkeit der Ethnologischen Kommission . . .	11
N. A. Baklanowa. Tätigkeit der Kommission für Kulturgeschichte	14
W. N. Lazarev. Tätigkeit der Kommission für Kunstgeschichte . .	19
G. L. Malizki. Tätigkeit der Kommission für Museumskunde	23
W. K. Klein. Versuche mit Laboratoriumuntersuchungen der alten Gewebe	29
A. W. Zbrujewa und M. E. Voss. Die Ausgrabungen an der «Sommer» Küste des Weissen Meeres bei Krasnaja Gora und bei dem Flusse Galdarea	42
I. Mrotschkowsky. Die Malerei des Masar Ak-Sarai in Samarkand	54

